

ВЛ. МАЯКОВСКІЙ

**ПРОСТОЕ
КАКЪ
МЫЧАНІЕ**

ПЕТРОГРАДЪ

Издательство „ПАРУСЪ“ А. Н. Тихонова
1916.

ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ

**ПРОСТОЕ
КАКЪ
МЫЧАНІЕ**

ПЕТРОГРАДЪ
Издательство „ПАРУСЪ“ А. Н. Тихонова
1916.

Типографія Т-ва
Петроградъ,

А. Ф. МАРКСЪ.
Измайл. пр., 29.

КО ВСЕЙ КНИГѢ.

Л. Ю. Б.

Нѣтъ.

Это неправда.

Нѣтъ!

И ты?

Любимая,

за что,

за что же?!

Хорошо—

я ходилъ,

я дарилъ цвѣты,

я жъ изъ ящика не выкралъ серебряныхъ ложекъ!

Бѣлый

сшатался съ пятого этажа.

Вѣтеръ щеки ожегъ.

Улица клубилась, визжа и ржа;

Похотливо взлазилъ рожокъ на рожокъ.

Вознесъ надъ суетой столичной одури

сторогое—

древнихъ иконъ—

чело.

На тѣлѣ твоємъ—какъ на смертномъ одрѣ—
сердце
дни
кончило.

Въ грубомъ убійствѣ не пачкала рукъ ты.
Ты
уронила только:
„Въ мягкой постели
Онъ,
фрукты,
вино на ладони ночного столика“.

Любовь!
Только въ моемъ
воспаленномъ
мозгу была ты!
Глупой комедіи остановите ходъ!
Смотрите—
срываю игрушки-латы
я
величайшій Донъ-Кихотъ!

Помните:
подъ ношей креста
Христось
секунду
усталый сталъ.
Толпа орала:
„Маррала!
Маррррала!
Мааарррааала!“

Правильно!

Каждого,
 кто
 объ отдыхъ взмолится,
 оплюй въ его весеннемъ днѣ!
 Арміи подвижниковъ обреченнымъ добровольцамъ
 отъ человѣка пощады нѣтъ!

Давольно!

Теперь—
 клянусь моей языческой силою!—
 дайте
 любую,
 красивую,
 юную,—
 души не растрочу,

и въ сердце насмѣшку плюну ей!

Око за око!

Съвы мести въ тысячу кратъ жни!
 Въ каждое ухо ввой:
 вся земля—
 каторжникъ
 съ наполовину выбритой солнцемъ головой!

Око за око!

Убьете,
 похороните,—
 выроюсь!
 Объ камень обточатся зубовъ ножи еще!
 Собакой забьюсь подъ нары казармъ!

Буду
бѣшенный
вгрызаться въ ножища,
пахнушія потомъ и базаромъ.

Ночью вскочите!

Я
звалъ!
Бѣлымъ быкомъ возросъ надъ землей:
Муууу!
Въ ярмо замучена шея язва,
надъ язвой смерчи мухъ.

Лосемъ обернусь,—
въ провода
впутаю голову вѣтвистую,
съ налитыми кровью глазами,
Да!
Затравленнымъ звѣремъ надъ міромъ выстою.

Не уйти человѣку!
Молитва у рта,—
легъ на плиты просящъ и грязенъ онъ.
Я возьму,
намалюю

Солнце! лучей не кинь!
Сохните рѣки, жажду утолить не давъ ему,—
чтобъ тысячами рождались мои ученики
трубить съ площадей анаѹему!

Когда
наконецъ,
на вѣковъ верхи ставъ,
послѣдній выйдетъ день имъ,
въ черныхъ душахъ убійщъ и анархистовъ
зажгусь кровавымъ видѣніемъ!

Свѣтаеть.
Все шире разверзается неба ротъ.
Ночь
петь за глоткомъ глотокъ онъ.
Отъ оконъ зарево.
Отъ оконъ жаръ течеть.
Отъ оконъ густое солнце льется на спящій городъ.

Святая мѣсть моя!
Опять
надъ уличной пылью
ступенями строкъ ввысь поведи!
До края полное сердце
вылью
въ исповѣди!

Грядущіе люди!
Кто вы?
Вотъ—я,
весь
боль и ушибъ;
вамъ завѣщаю я садъ фруктовъ
моей великой души!

Я.

4

1

По мостовой
моей души изъѣзженной
шаги помѣшанныхъ
вьютъ жесткихъ фразъ пяты.
Гдѣ города
повѣшены
и въ петлѣ облака
застыли
башень
кривыя выи,—
иду
одинъ рыдать,
что перекресткомъ
распяты
городовые

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ ЖЕНѢ.

Морей невѣдомыхъ далекимъ пляжемъ,
идеть луна—
жена моя.

Моя любовница рыжеволосая.
За экипажемъ
крикливо тянется толпа созвѣздій пестрополосая.
Вѣнчается съ автомобильнымъ гаражемъ,
цѣлуется съ газетными кіосками,
а шлейфа млечный путь моргающимъ пажемъ украшенъ
мишурными блестками.

А я?

Несло же, палимому, бровей коромысло
изъ глазъ колодцевъ студеныя ведра.
Въ шелкахъ озерныхъ ты висла,
янтарной скрипкой пѣли бедра?
Въ края, гдѣ злоба крышь,
не кинешь блесткой лѣсни.
Въ бульварахъ я тону тоской песковъ овѣянь:
Вѣдь это жъ дочь твоя
моя пѣсня
въ чулкѣ ажурномъ
у кофеень!

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ МАМѢ.

У меня есть мама на васильковыхъ обояхъ.
 А я гуляю въ пестрыхъ павахъ,
 вихрастыя ромашки шагомъ мѣряя мучу.
 Заиграетъ вечеръ на гобояхъ ржавыхъ,
 подхожу къ окошку,
 вѣря,
 что увижу опять
 сѣвшую
 на домъ
 тучу.
 А у мамы больной
 пробѣгаютъ народа шорохи
 отъ кровати до угла пустого.
 Мама знаетъ
 это мысли сумасшедшей ворохи
 вылѣзаютъ изъ-за крышъ завода Шустова.
 И когда мой лобъ, вѣнчанный шляпой фетровой,
 окровавитъ гаснущая рама,
 я скажу,
 раздвинувъ басомъ вѣтра вой:
 „Мама“.
 Если станеть жалко мнѣ
 вазы вашей муки,
 сбитой каблуками облачнаго танца—
 кто же изласкаетъ золотыя руки
 вывѣской заломленныя у витринъ Аванцо?..

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБО МНѢ САМОМЪ.

Я люблю смотрѣть какъ умирають дѣти.
 Вы прибоа смѣха мглстый валъ замѣтили
 за тоски хоботомъ?
 А я—
 въ читальнѣ улицъ—
 такъ часто перелистывалъ гроба томъ.
 Полночь
 промокшими пальцами шупала
 меня
 и забитый заборъ,
 и съ каплями ливня на лысинѣ купола
 скакалъ сумасшедшій соборъ.
 Я вижу — бѣжалъ,
 хитона овѣтренный край
 цѣловала плача слякоть.
 Кричу кирпичу,
 словъ изступленныхъ вонзаю кинжалъ
 въ неба распухшаго мякоть
 „Солнце!“
 „Отецъ мой!“
 „Сжался хоть ты и не мучай!“
 Это тобою пролитая кровь моя льется дорогою дольней.
 Это душа моя
 клочьями порванной тучи
 въ выжженномъ небѣ
 на ржавомъ крестѣ колокольни!
 Время!
 Хоть ты, хромой богомазъ,
 ликъ намалюй мой
 въ божницу уродца вѣка!
 Я одинокъ, какъ послѣдній глазъ
 у идущаго къ слѣпымъ человекъ!

КРИЧУ КИРПИЧУ.

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Вѣдь, если звѣзды зажигаютъ—

значить—это кому-нибудь нужно?

Значить—кто-то хочетъ, чтобы онѣ были?

Значить—кто-то называетъ эти плевочки жемчужиной?

И надрываясь

въ метеляхъ полуденной пыли

врывается къ Богу,

боится, что опоздалъ,

плачетъ,

цѣлуетъ ему жилистую руку,

просить—

чтобъ обязательно была звѣзда!—

клянется—

не перенесетъ эту беззвѣздную муку!

А послѣ

ходить тревожный,

но спокойный наружно,

говорить кому-то:

„Вѣдь теперь тебѣ ничего?

Не страшно?

Да?“

Послушайте!

Вѣдь, если звѣзды

зажигаютъ—

значить—это кому-нибудь нужно?

Значить—это необходимо,

чтобы каждый вечеръ

надъ крышами

загоралась хоть одна звѣзда?!

АДИЩЕ ГОРОДА.

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущіе свѣтами, адки.
Какъ рыжіе дьяволы, вздымались автомобили,
надъ самымъ ухомъ взрывая гудки.
А тамъ подъ вывѣской, гдѣ сельди изъ Керчи—
сбитый старикашка шарилъ очки
и заплакалъ, когда въ вечерѣющемъ смерчѣ
трамвай съ разбѣга взметнулъ зрачки.
Въ дырахъ небоскребовъ, гдѣ горѣла руда
и желѣзо поѣздовъ громоздило лазъ,—
крикнулъ аэропланъ и упалъ туда,
гдѣ у раненаго солнца вытекалъ глазъ.
И тогда уже—скомкавъ фонарей одѣяла—
ночь излюбилась похабна и пьяна,
а за солнцами улицъ гдѣ-то ковыляла
никому ненужная, дряблая луна.

ОТЪ УСТАЛОСТИ.

Земля!

Дай исцѣлюю твою лысѣющую голову
лохмотьями губъ моихъ въ пятнахъ чужихъ позолотъ.

Дымомъ волосъ надъ пожарами глазъ изъ олова
дай обовью я впалыя груди болотъ.

Ты! Насъ—двое

ораненныхъ загнанныхъ ланями,
вздыбилось ржанье осѣдланныхъ смертью коней,
дымъ изъ-за дома догонитъ насъ длинными дланями,
мутью озлобивъ глаза догнивающихъ въ ливняхъ огней.

Сестра моя!

Въ богадѣльняхъ идущихъ вѣковъ,
можетъ-быть, мать мнѣ сыщется;
бросилъ я ей окровавленный пѣснями рогъ.

Квакая, скачетъ по полю
канава, зеленая сыщица,

насъ заневолить
веревками грязныхъ дорогъ.

А ВСЕ-ТАКИ.

Улица провалилась, какъ носъ сифилитика.
Рѣка—сладострастье, растекшееся въ слюни.
Отбросивъ бѣлье до послѣдняго листика,
сады похабно развалились въ юнѣ.
Я вышелъ на площадь,
выжженный кварталъ
надѣлъ на голову, какъ рыжій парикъ.
Людыяъ страшно—у меня изо рта
шевелить ногами непрожеванный крикъ.
Но меня не осудятъ, но меня не облаютъ,
какъ пророку, цвѣтами устелятъ мнѣ слѣдъ.
Всѣ эти провалившіеся носами знаютъ:
я—вашъ поэтъ.
Какъ трактиръ, мнѣ страшень вашъ страшный судъ!
Меня одного сквозь горящія зданія
проститутки, какъ святыню, на рукахъ понесутъ
и покажутъ Богу въ свое оправданіе.
И Богъ заплачетъ надъ моею книжкой!
Не слова—судороги, слипшіяся комомъ;
и побѣжить по небу съ моими стихами подъ мышкой
и будетъ, задыхаясь, читать ихъ своимъ знакомымъ.

ЛЮБОВЬ.

Дѣвушка пугливо куталась въ болото,
ширились зловѣще лягушечьи мотивы,
въ рельсахъ колебался рыжеватый кто-то,
укорно въ букляхъ проходили локомотивы.
Въ облачныя пары сквозь солнечный угаръ
врѣзалось бѣшенство вѣтряной мазурки,
и вотъ я—озноенный іюльскій тротуаръ—
а женщина поцѣлуи бросаетъ какъ окурки.
Бросьте города, глупые люди!
Идите голые лить на солнцепекъ
пьяныя вина въ мѣха груди,
дождь поцѣлуи въ угли щеки?

ГИМНЪ ЗДОРОВЬЮ.

Среди тонконогихъ, жидкихъ кровью
трудомъ поворачивая шею бычью,
на сытый праздникъ тучному здоровью
людей изъ мяса я зычно кличу!
Чтобъ бѣшеной пляской землю овить
скучную, какъ банка консервовъ,
давайте весеннихъ бабочекъ ловить
сѣтью ненужныхъ нервовъ!
И по камнямъ острымъ, какъ глаза ораторовъ,
красавцы отцы здоровыхъ томовъ
поташимъ мордами умныхъ психіатровъ
и бросимъ за рѣшетки сумасшедшихъ домовъ!
А сами сквозь городъ изсохшій, какъ Онанія,
съ толпой фонарей желтолицыхъ, какъ скопцы,
голоднымъ самкамъ накормимъ желанія,
поросшіе шерстью красавцы—самцы!

ВЫВЪСКАМЪ.

Читайте желѣзныя книги!
Подъ флейту золоченной буквы
полѣзуть копченые сиги
и золотокудряя брюквы.
А если веселостью песей
закружать созвѣздя „магги“ —
бюро похоронныхъ процессій
свои проведутъ саркофаги.
Когда же, хмурь и плачевенъ,
загасить фонарные знаки,
влюбляйтесь подъ небомъ харчевенъ
въ фаянсовыхъ чайниковъ маки!

ЗА ЖЕНЩИНОЙ.

Раздвинувъ локтемъ тумана дрожжи,
 цѣдилъ бѣлила изъ черной фляжки,
 и бросивъ въ небо косыя вожжи,
 качался въ тучахъ сѣдой и тяжкій.
 Въ расплавѣ мѣди домовъ полуда,
 дрожанья улицъ едва хранимы,
 дразнимы краснымъ покровомъ блуда,
 рогами въ небо вонзались дымы.
 Вулканы бедра за льдами платій,
 колосья грудей для жатвы спѣлы.
 Отъ тротуаровъ съ ужимкой татей
 ревниво взвились тупыя стрѣлы.
 Вспугнувъ копытомъ молитвы высей
 арканомъ въ небѣ поймали _____
 и, ощипавши, съ улыбкой крысьей,
 глумясь, тащили сквозь щель порога.
 Востокъ замѣтилъ ихъ въ переулкѣ,
 гримасу неба отбросилъ выше
 и, выдравъ солнце изъ черной сумки,
 ударилъ злобно по ребрамъ крыши.

КОЕ-ЧТО ПРО ПЕТРОГРАДЪ.

Слѣзають слезы съ крыши въ трубы,
къ рукѣ рѣки чертя полоски;
а въ неба свившіяся губы
воткнули каменные соски.
И небу—стихши—ясно стало:
Туда, гдѣ моря блещетъ блюдо,
сырой погонщикъ гнать устало
Невы двугорбаго верблюда.

ЕЩЕ ПЕТРОГРАДЪ.

Въ ухахъ обрывки теплаго бала,
а съ сѣвера—снѣга сѣдѣй—
туманъ, съ кровожаднымъ лицомъ каннибала,
жеваль не вкусныхъ людей.
Часы нависали, какъ грубая брань,
за пятымъ нависъ шестой.
А съ неба смотрѣла какая-то дрянь
величественно, какъ Левъ Толстой.

ТЕАТРЫ.

Разсказъ о взлѣзшихъ на подмостокъ
аршинной буквою графишъ,
и зазываютъ въ вечеръ съ досокъ
зрачки малеванныхъ афишъ.
Автомобиль подкрасилъ губы
у блеклой женщины Карьера,
а съ прилетавшихъ рвали шубы
два огневые фокстерьера.
И лишь свѣтящаяся груша
о тѣнь сломала копыя драки,
на вѣткѣ ложъ съ цвѣтами плюша
повисли тягостные фраки.

ПОРТЪ.

Простыни водъ подъ брюхомъ были.
Ихъ рвалъ на волны бѣлый зубъ.
Быль вой трубы,—какъ будто лили
любовь и похоть мѣдью трубъ.
Прижались лодки въ люлькахъ входовъ
къ соснамъ желѣзныхъ матерей.
Въ ушахъ оглохшихъ пароходовъ
горѣли серьги якорей.

УТРО.

Угрюмый дождь скосилъ глаза.
А за
рѣшеткой
четкой
желѣзной мысли проводовъ—
перина.
И на
нее
встающихъ звѣздъ
легко оперлись ноги.
Но ги-
бель фонарей,
царей
въ коронѣ газа,
для глаза
сдѣлала больнѣй
враждующій букетъ бульварныхъ проститутокъ.
И жутокъ
шутокъ
клюющей смѣхъ—
изъ желтыхъ
ядовитыхъ розъ
возросъ
зигзагомъ.

За гамъ
и жуть
взглянуть
отрадно глазу:
раба
крестовъ
страдающе-спокойно-безразличныхъ
гроба
домовъ
публичныхъ
востокъ бросалъ въ одну пылающую вазу.

НОЧЬ.

Багровый и бѣлый отброшень и скомканъ,
въ зеленый бросали горстями дукаты,
а чернымъ ладонямъ сбѣжавшихся оконъ
раздали горящія желтыя карты.
Бульварамъ и площади было не странно
увидѣть на зданіяхъ синія тоги.
И раньше бѣгущимъ, какъ желтыя раны,
огни обручали браслетами ноги.
Толпа—пестрошерстая быстрая кошка—
плыла, изгибаясь, дверями влекома;
каждый хотѣлъ проташить хоть немножко
громаду изъ смѣха отлитаго кома.
Я, чувствуя платья зовущія лапы,
въ глаза имъ улыбку протиснулъ, пугая
ударами въ жезъ, хохотали арапы,
надъ лбомъ расцвѣтивши крыло попугая.

ИЗЪ УЛИЦЫ ВЪ УЛИЦУ.

У-
 лица.
 Лица
 У
 договъ
 годовъ
 рѣз-
 че.
 Че-
 резъ
 желѣзныхъ коней
 съ оконъ бѣгущихъ домовъ
 прыгнули первые кубы.
 Лебеди шей колокольныхъ,
 гнитесь въ силкахъ проводовъ!
 Въ небѣ жирафій рисунокъ готовъ
 выпестрить ржавые чубы.
 Пестерьъ, какъ форель,
 сынъ
 безузорной пашни.
 Фокусникъ
 рельсы
 тянетъ изъ пасти трамвая,
 скрыть циферблатами башни.
 Мы завоеваны!

Ванны.
Души.
Лифтъ.
Лифъ
души
разстегнули!
Тѣло
жгутъ
руки.
Кричи не кричи „я не хотѣла“—
рѣзокъ
жгутъ
муки.
Вѣтеръ колючій трубѣ вырываетъ
дымчатой шерсти клокъ.
Лысый фонарь сладострастно снимаетъ
съ улицы черный чулокъ.

ВОТЪ ТАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОБАКОЙ.

Ну, это уже совершенно невыносимо.

Весь, какъ есть, искусанъ злобой.

Злюсь не такъ, какъ могли бы вы:

какъ собака, лицо луны гололобой;

взялъ бы

и все обвылъ.

Нервы, должно-быть...

Выйду,—

погуляю.

И на улицѣ не успокоился ни на комъ я.

Какая-то прокричала про добрый вечеръ.

Надо отвѣтить:

она—знакомая.

Хочу.

Чувствую—

не могу по-человѣчи!

Что это за безобразіе?

Сплю я, что ли?

Ощупалъ себя:

такой же, какъ былъ,

лицо такое же, къ какому привыкъ.

Тронулъ губу,

а у меня изъ-подъ губы—

клыкъ!

Скорѣе закрылъ лицо, какъ будто сморкаюсь.

Бросился къ дому, шаги удвоивъ.
Бережно огибаю полицейскій постъ,
вдругъ—оглушительное:
„Городовой!—
Хвостъ“.
Провель рукой и—остолбенѣлъ!
Этого-то,
всякихъ клыковъ почище,
я и не замѣтилъ въ бѣшеномъ скачѣ:
у меня
изъ-подъ пиджака
развѣрился хвостище
и вьется сзади,
большой, собачій!
Что теперь?
Одинъ заоралъ, толпу ротя.
Второму прибавился третій, четвертый.
Смяли старушонку.
Она, крестясь, что-то кричала про чорта.
И когда,
ошетинивъ въ лицо усища вѣники,
толпа навалилась,
огромная,
злая,
я сталъ на четвереньки
и залаялъ:
Гавъ! авъ! авъ!

НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮТЪ.

Вошелъ къ парикмахеру, сказалъ—спокойный:

„Будьте добры, причешите мнѣ уши!“

Гладкій парикмахеръ сразу сталъ хвойный,
лицо вытянулось какъ у груши:

„Сумасшедшій!“

„Рыжій!“

Запрыгали слова.

Ругань металась отъ писка до писка.

И до-о-о-о-олго

хихикала чья-то голова,

выдергиваясь изъ толпы, какъ старая редиска!

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА.

Въ ресторанѣ было отъ электричества рыжо.
Кресла облиты въ дамскую мякоть.
Обиженный выбѣжалъ дирижеръ,
приказаль музыкантамъ плакать.
И сразу тому, который въ бороду
толстую семгу вкусно несъ,
труба—изловчившись—въ сытую морду
ударила горстью мѣдныхъ слезъ.
Еще не успѣлъ онъ, между икотами,
выпихнуть крикъ въ золотую челюсть
его, избитые трамбонами и фаготами
смяли и скакали черезъ.
Когда послѣдній не доползъ до двери,
умеръ щекою въ соусъ,
приказавъ музыкантамъ выть по-звѣри,
дирижеръ обезумѣлъ вовсе!
Въ самые зубы тушѣ опоенной,
втиснулъ трубу, какъ мѣдный калачъ,
дуль и слушалъ—раздутымъ удвоенный,
мечется въ брюхѣ плачь.
Когда на утро, отъ злобы не ѣвшій,
хозяинъ принесъ расчетъ,
дирижеръ на люстрѣ уже посинѣвшій
висѣлъ и синѣлъ еще.

НАТЕ!

Черезъ часъ отсюда въ чистый переулокъ
вытечетъ по человѣку вашъ обрюзгшій жиръ,
а я вамъ открылъ столько стиховъ шкатулокъ,
я—безцѣнныхъ словъ мотъ и транжиръ.
Вотъ вы мужчина, у васъ въ усахъ капуста
гдѣ-то недокушанныхъ шей;
вотъ вы женщина, на васъ бѣлила густо,
вы смотрите устрицей изъ раковинъ вещей.
Всѣ вы на бабочку поэтинаго сердца
взгромоздитесь грязныя въ калошахъ и безъ калошъ.
Толпа озвѣрѣетъ, будетъ тереться,
ощетинитъ ножки стоглавая вошь.
А если сегодня мнѣ, грубому гунну,
кривляться передъ вами не захочется—и вотъ
я захохочу и радостно плюну,
плюну въ лицо вамъ,
я—безцѣнныхъ словъ транжиръ и мотъ.

ЧУДОВИШНЫЯ ПОХОРОНЫ.

Мрачные до чернаго вышли люди,
 тяжко и чинно выстроились въ городѣ,
 будто сейчасъ набираться будетъ
 хмурыхъ монаховъ черный орденъ.
 Трауръ вороновъ, выкаймленный подъ окна,
 небо въ бурю крашенное,—
 все было такъ подобрано и подогнано,
 что волей неволей ждалось страшное.
 Тогда разверзлась, кряхтя и нехотя,
 пыльнаго воздуха сухая охра,
 вылѣзъ изъ воздуха и началъ ѣхать
 тихій катафалкъ чудовищныхъ похоронъ.
 Встревоженная ожила глазъ масса,
 гору взоровъ въ гробъ бросили.
 Вдругъ изъ гроба прыснула гримаса,
 послѣ—крикъ: „Хоронять умершій смѣхъ!“—
 изъ тысячегрудаго мѣха
 гремѣлъ омилліоненный множествомъ эхъ
 за гробомъ, который ѣхалъ.
 И тотчасъ же отчаяннѣйшаго плача ножи
 врѣзались, заставивъ ничего не понимать.
 Вотъ за гробомъ, въ плачѣ, старуха жизнь,
 усопшаго смѣха сѣдая мать.
 Къ кому же, къ кому вернуться назадъ ей?
 Смотрите: въ лысинѣ—тотъ—
 это большой, носатый
 плачетъ армянскій анекдотъ.

Еще не забылось, какъ выкривиль ротъ онъ,
а за нимъ ободранная, куцая,
визжа, бѣжала острота.

Куда—если умерь—уткнуться ей?

Уже до неба плачей глыба.

Но еще,

еще откуда-то плачики,

это цѣлыя полчища улыбочекъ и улыбокъ
ломали, въ горѣ, хрупкіе пальчики.

И вотъ сквозь строй ихъ, смокшихъ въ одинъ,
сплошной изрыдавшійся Гаршинъ,
вышелъ ужась—впередъ пойти—
весь въ похоронномъ маршѣ.

Размокло лицо, стало—„кашица“,
смятая морщинками на вымуренномъ лбу,
а если кто смѣется—кажется,
ему разодрали губу.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазала карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюдѣ студня
косые скулы океана.
На чешуѣ жестяной рыбы
прочелъ я зовы новыхъ губъ.
А вы
ноктюрнъ сыграть
могли бы
на флейтѣ водосточныхъ трубъ?

СУДЬЯ.

По Красному морю плывутъ каторжане,
 трудомъ выгребая галеру,
 рыкомъ покрывъ кандалное ржанье,
 орутъ о родинѣ—Перу.
 О раѣ Перу орутъ перуанцы,
 гдѣ птицы, танцы, бабы,
 и гдѣ надъ вѣнцами цвѣтовъ померанца,
 были до небесъ баобабы.
 Бананъ! Ананасы! Радостей груды.
 Вино въ запечатанной посудѣ.
 Но вотъ, неизвѣстно зачѣмъ и откуда,
 на Перу наперли судьи!
 И птицъ, и танцы, и всѣхъ перуанокъ
 кругомъ обложили статьями.
 Глаза у судьи—пара жестянокъ
 Мерцаеть въ помойной ямѣ.
 На хвостъ павлиній оранжево-синій
 взглянулъ онъ строгій, какъ постъ,
 и вылинялъ моментально павлиній
 великолѣпный хвостъ!
 А возлѣ Перу летали по Преріи
 птички такія, колибри,
 судья поймалъ и пухъ и перья
 бѣдной колибри выбрилъ.

И нѣтъ ни въ одной долинь нынѣ
горь, вулканомъ горящихъ;
судья написалъ на каждой долинь:
„Долина для не курящихъ“.
Въ бѣдномъ Перу стихи мои даже
въ запретѣ, подѣ страхомъ пытокъ.
Судья сказалъ:
„Тѣ, что въ продажѣ,
тоже спиртной напитокъ!“
Экваторъ дрожить отъ кандалныхъ звоновъ,
а въ Перу—безптичье, безлюдье.
Лишь злобно забившись подѣ своды законовъ,
живуть унылые судьи.
А—знаете? Все-таки—жаль перуанца!
Зря ему дали галеру.
Вѣдь судьи мѣшаютъ и птицѣ, и танцу,
и мнѣ, и вамъ, и Перу!

ШУМИКИ, ШУМЫ И ШУМИЩИ.

По эхамъ города проносятъ шумы
на шопотѣ подошвъ и на громахъ колесъ,
а люди и лошади—это только грумы,
слѣдяшіе линіи убѣгающихъ косъ.
Пронесать дѣвоньки крохотные шумики.
Ящики гула пронесетъ грузовозъ.
Рысакъ прошуршитъ въ сѣтчатоу туникѣ.
Трамвай расплещетъ перекааты грозъ.
Всѣ на площадь, сквозь туннели пассажей,
плывутъ каналами перекрещенныхъ думъ,
гдѣ мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаровъ коронованъ шумъ.

КОФТА ФАТА.

Я сошью себѣ черные штаны
изъ бархата голоса моего.
Желтую кофту изъ трехъ аршинъ заката.
По Невскому міра, по лощенымъ полосамъ его,
профланирую шагомъ Донъ-Жуана и фата.
Пусть земля кричитъ, въ покоѣ обабившись:
„Ты зеленяя весны идешь насиловать!“
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
„На глади асфальта мнѣ хорошо грассировать!“
Не потому ли, что небо голубо,
а земля мнѣ любовница въ этой праздничной чисткѣ,
я дарю вамъ стихи, веселыя, какъ би-ба-бо,
острые и нужные, какъ зубочистки!
Женщины, любящія мое мясо, и эта
дѣвушка, смотрящая на меня, какъ на брата,
закидайте улыбками меня, поэта,—
я цвѣтами нашью ихъ мнѣ на кофту фата!

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО.

Скрипка издергалась, упрашивая
и вдругъ разревѣлась,
такъ по-дѣтски,
что барабанъ не выдержалъ:
„Хорошо, хорошо, хорошо!“
А самъ—усталъ,
не дослушалъ скрипкиной рѣчи,
шмыгнулъ на горящій Кузнецкій
и ушелъ.
Оркестръ чужо смотрѣлъ, какъ
выплакивалась скрипка
безъ словъ,
безъ такта,
и только гдѣ-то
глупая тарелка
вылязгивала:
„Что это?“
„Какъ это?“
А когда геликонъ—
мѣднорожій,
потный,
крикнулъ:
„Дура,
плакса,
вытри!“—

Я всталъ,
шатаясь, полѣзъ черезъ ноты,
сгибаюшіеся подъ ужасомъ пюпитры,
зачѣмъ-то крикнулъ:

„Боже!“

Бросился на деревянную шею.

„Знаете что, скрипка?

Мы ужасно похожи:

я вотъ тоже

ору—

а доказать ничего не умѣю!“

Музыканты смѣются:

„Влипъ какъ!

Пришелъ къ деревянной невѣстѣ!

Голова!“

А мнѣ—наплевать!

Я—хорошій.

„Знаете что, скрипка?

давайте—

будемте жить вмѣстѣ!

А?“

ВЕЛИКОЛЪПНАЯ
НЕЛЪПОСТИ.

ВОЙНА ОБЪЯВЛЕНА.

„Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю!
Италія! Германія! Австрія!“
И на площадь, мрачно очерченную чернью,
багровой крови пролилась струя!
Морду разбила кофейня,
звѣрчимъ крикомъ багрима:
„Отравимъ кровью игры Рейна!
Громами ядеръ на мраморъ Рима!“
Съ неба, изодраннаго о штыковъ жала,
слезы звѣздъ просѣивались, какъ мука въ ситѣ,
и подошвами сжатая жалость визжала:
„Ахъ пустите, пустите, пустите!“
Бронзовые генералы на граненомъ цоколѣ
молили: „Раскуйте и мы поѣдемъ!“
Прощающейся конницы поцѣлуи цокали
и пѣхоть хотѣлось къ убійцѣ—побѣдѣ.
Громоздящемуся городу уродился во снѣ
хочоушій голось пушечнаго баса,
а съ запада падаетъ красный снѣгъ
сочными клочьями человѣчьяго мяса.
Вздувается у площади за ротой рота,
у злящейся на лбу вздуваются вены:
„Постойте, шашки о шелкъ кокотокъ
вытремъ, вытремъ въ бульварахъ Вѣны!“
Газетчики надрывались: „Купите Вечернюю!
„Италія! Германія! Австрія!“
Изъ ночи, черно очерченной чернью,
багровой лилась и лилась струя.

МАМА И УБИТЫЙ НѢМЦАМИ ВЕЧЕРЬ.

По чернымъ улицамъ бѣлыя матери
судорожно простерлись, какъ по гробу газетъ.
Вплакались въ орущихъ о побитомъ неприятелѣ
„Ахъ закройте, закройте глаза газеты!“

Письмо.

Мама, громче!

Дымъ.

Дымъ.

Дымъ еще!

Что вы мямлите, мама, мнѣ?

Видите—

весь воздухъ вымощенъ

громыхающимъ подъ ядрами камнемъ!

Ма—а—а—ма!

Сейчасъ притащили израненный вечеръ.

Крѣпился долго,

кургузый,

шершавый,

и вдругъ—

надломивши тучныя плечи,

расплакался, бѣдный, на шеѣ Варшавы.

Звѣзды въ платочкахъ изъ синяго ситца
визжали:

„Убить,
дорогой,
дорогой мой!“

И глазъ новолунія страшно косится,
какъ мертвый кулакъ съ зажатой обоймой.

Сбѣжались смотрѣть литовскія села,
какъ поцѣлуемъ въ обрубокъ вкована,
слеза золотые глаза костеловъ,
пальцы улицъ ломала Ковна.

А вечеръ кричить,
безногій,
безрукій:

„Неправда,
я еще могу-съ—
Хе!

—выбрыцавъ шпоры въ горячей мазуркѣ
выкрутить русый усы!“

Звонокъ.

Что вы,
мама?

Бѣлая, бѣлая, какъ на гробѣ газетъ.

Оставьте!

О немъ это,
объ убитомъ, телеграмма.

„Ахъ закройте,
закройте глаза газеты!“

Я И НАПОЛЕОНЪ.

Я живу на Большой Прѣснѣ:

36, 24.

Мѣсто спокойненькое.

Тихонькое.

Ну?

Кажется—какое мнѣ дѣло,

что гдѣ-то

въ бурѣ—мирѣ

взяли и выдумали войну?

Ночь пришла.

Хорошая.

Вкрадчивая.

И чего это барышни нѣкоторыя

дрожать, пугливо поворачивая

глаза громадныя, какъ прожекторы?

Уличныя толпы небесной влаги

припали горящими устами,

а городъ, вытрепавъ ручонки—флаги,

молится и молится красными крестами.

Простоволосая церковка бульварному изголовью

припала,—набитый слезами куль,—

а у бульвара цвѣтники истекають кровью,

какъ сердце изодранное пальцами пуль.

Тревога жирѣть и жирѣть,
жреть зачерствѣвшій разумъ.
Уже у Ноева оранжереи
покрылись смертельно блѣднымъ газомъ!

Скажите Москвѣ—
пускай удержится!
Не надо!
Пусть не трясется!
Черезъ секунду
встрѣчу я
небъ самодержца,—
возьму и убью солнце!
Видите!
Флаги по небу полошеть.
Вотъ онъ!
Жирень и рыжь.
Краснымъ копытомъ грохнувъ о площадь,
въѣзжаетъ по трупамъ крыши!

Тебѣ
орущему:—
„Разрушу,
разрушу!“
Вырѣзавшему ночь изъ окровавленныхъ карнизовъ,
я—
сохранившій безстрашную душу,
бросаю вызовъ!

Идите, изъѣденные безсонницей,
сложите въ костеръ лица!
Все равно!
Это намъ послѣднее солнце—
солнце Аустерлица!

Идите сумасшедшіе изъ Россіи, Польши;
сегодня я—Наполеонъ!

Я полководецъ и больше.

Сравните—

я и—онъ!

Онъ разъ чумѣ приблизился трономъ,
смертью смерть поправъ,

я каждый день иду къ зачумленнымъ
по тысячамъ русскихъ Яффы!

Онъ разъ, не дрогнувъ, сталь подъ пули
и славится столѣтій сто,

а я прошелъ въ одномъ лишь іюлѣ
тысячу Аркольскихъ мостовъ!

Мой крикъ въ гранитѣ времени выбить,
и будетъ гремѣть и гремить,

оттого, что

въ сердцѣ выжженномъ, какъ Египеть,
есть тысяча тысячъ пирамидъ!

За мной, изъѣденные безсонницей!

Выше!

Въ костерь лица!

Здравствуй,

мое предсмертное солнце,

солнце Аустерлица!

Люди!

Будеть!

На солнце!

Прямо!

Солнце съежится ажъ!

Громче изъ сжатаго горла храма

хрипи похоронный маршъ!

Люди!

Когда канонизируете имена

погибшихъ,

меня извѣстнѣй,—

помните:

еще одного убила война—

поэта съ Большой Прѣсни!

ВЕЛИКОЛѢПНЫЯ НЕЛѢПОСТИ.

Бросьте!

Конечно, это не смерть.

Чего ей ради ходить по крѣпости?

Какъ вамъ не стыдно вѣрить
нелѣпости?!

Просто именинникъ устроилъ карнавалъ,

выдумалъ для шума стрѣльбу и тирь,

а самъ, по-жабы присѣвъ на валъ,

вымаргивается, какъ изъ мортирь.

Ласковъ хозяина бась,

просто—похожъ на пушечныи.

И не отъ газа маска,

а ради шутки игрушечной.

Смотрите!

Небо мѣрить

выбѣжала ракета.

Развѣ такъ красиво смерть

бѣжала бы въ небѣ паркета!

Ахъ, не говорите:

„Кровь изъ раны“.

Это—дико!

Просто избранныхъ изъ бранныхъ

одаривали гвоздикой.

Какъ же иначе?

Мозгъ не хочетъ понять
и не можетъ:
у пушечныхъ шей,
если не цѣловаться,
то—для чего же
обвиты руки траншей?
Никто не убить!
Просто—не выстоялъ.
Легъ отъ Сены до Рейна.
Оттого что цвѣтеть,
одуряетъ желтолистая
на клумбахъ изъ убитыхъ гангрена.
Не убиты,
нѣтъ же,
нѣтъ!
Всѣ они встанутъ
просто—
вотъ такъ,
вернутся
и, улыбаясь, расскажутъ женѣ,
какой хозяинъ весельчакъ и чудакъ.
Скажутъ: не было ни ядръ ни фугасовъ
и, конечно же, не было крѣпости!
Просто именинникъ выдумалъ массу
какихъ-то великолѣпныхъ нелѣпостей!

„ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ“

ТРАГЕДІЯ

прологъ
два дѣйствія
эпилогъ

ДѢЙСТВУЮТЬ:

Владиміръ Маяковскій (поэтъ 20—25 лѣтъ).

Его знакомая (сажени 2—3. Не разговариваетъ).

Старикъ съ черными, сухими кошками (нѣсколько тысячъ лѣтъ).

Человѣкъ безъ глаза и ноги.

Человѣкъ безъ уха.

Человѣкъ безъ головы.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ.

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями.

Обыкновенный молодой человѣкъ.

Женщина со слезинкой.

Женщина со слезой.

Женщина со слезишей.

Газетчики, мальчики, дѣвочки и др.

ПРОЛОГЪ.

В. Маяковскій:

Вамъ ли понять,
почему я
спокойный
насмѣшекъ грозою
душу на блюдѣ несу
къ обѣду идущихъ лѣтъ.
Съ небритой щеки площадей,
стекая ненужной слезою,
я,
быть-можетъ,
последній поэтъ.
Замѣчали вы—
качается
въ каменныхъ аллеяхъ
полосатое лицо повѣшенной скуки,
а у мчащихся рѣкъ
на взмыленныхъ шеяхъ
мосты заломили желѣзныя руки.
Небо плачетъ
безудержно,
звонко;
а у облачка
гримаска на морщинкѣ ротика,
какъ будто женщина ждала ребенка,
а Богъ ей кинулъ кривого идиотика.

Пухлыми пальцами въ рыжихъ волосикахъ
солнце изласкало васъ назойливостью овода—
въ вашихъ душахъ выщѣлованъ рабъ.

Я безстрашный

ненависть къ дневнымъ лучамъ понесъ въ вѣкахъ;
съ душой натянутой, какъ нервы провода,
я—

царь лампы!

Придите всѣ ко мнѣ,

кто рвалъ молчаніе,

кто выль

оттого, что петли полдней туги—

я вамъ открою

словами

простыми, какъ мычанье,

наши новыя души,

гудящія

какъ фонарныя дуги.

Я вамъ только головы пальцами трону,

и у васъ

вырастутъ губы

для огромныхъ поцѣлуевъ

и языкъ

родной всѣмъ народамъ.

А я, прихрамывая душонкой,

уйду къ моему трону

съ дырами звѣздъ по истертымъ сводамъ.

Лягу

свѣтлый

въ одеждахъ изъ лѣни

на мягкое ложе изъ настоящаго навоза

и тихимъ

цѣлующимъ шпаль колѣни

обниметь мнѣ шею колесо паровоза.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Весело. Городъ въ паутинѣ улицъ.
Праздникъ нищихъ. Одинъ В. Мая-
ковскій. Приходящіе приносятъ ѣду:
желѣзнаго сельдя съ выѣски, огром-
ный золотой калачъ, складки нари-
сованнаго бархата.

В. Маяковскій:

Милостивые государи!
Заштопайте душу,
пустота сочиться не могла бы!
Я не знаю,
плевокъ—
обида или нѣтъ?
Я сухой, какъ каменная баба.
Меня выдоили.
Милостивые государи!
Хотите,
сейчасъ передъ вами будетъ танцовать замѣчатель-
ный поэтъ?

Входитъ старикъ съ черными, сухими
кошками. Гладить. Весь—борода.

В. Маяковскій:

Ищите жирныхъ въ домахъ скорлупахъ,
и въ бубенъ брюха веселье бейте.
Схватите за ноги глухихъ и глупыхъ,
дуйте въ уши имъ, какъ въ дырки флейтъ!
Разбейте днища у бочекъ злости,
я горящій булыжникъ думъ ѣмъ.

Сегодня
 въ вашемъ кричащемъ гостѣ
 я овѣнчаюсь моимъ безумьемъ!

Сцена наполняется. Человѣкъ безъ
 уха. Человѣкъ безъ ноги и другіе.
 Тупые. Стали. Безпорядокъ.

В. Маяковскій:

Граненыхъ строчекъ босой алмазникъ,
 взметя перины въ чужихъ жилищахъ,
 зажгу сегодня всемірный праздникъ
 такихъ богатыхъ и пестрыхъ нищихъ!

Старикъ съ кошками:

Оставь!
 Зачѣмъ мудрецамъ погремушекъ потѣха.
 Я—тысячелѣтній старикъ.
 Я вижу—
 въ тебѣ
 на крестѣ изъ смѣха
 распять замученный крикъ.
 Легло на городъ громадное горе
 и сотни крохотныхъ горь.
 А свѣчи и лампы въ галдящемъ спорѣ
 покрыли шопоты зорь.
 Мягкія луны не властны надъ нами,
 огни фонарей и наряднѣй и хлеше.
 Въ землѣ городовъ нареклись господами,
 лѣзутъ стереть насъ
 бездушныя вещи.
 А съ неба
 на вой человѣчьей орды
 глядитъ обезумѣвшій _____
 и руки въ отрепьяхъ его бороды

изъѣденныхъ пылью дорогъ.

Богъ

кричитъ о жестокой расплатѣ,
а въ вашихъ душонкахъ поношенный вздошекъ.

Бросьте его!

Идите и гладьте, —

гладьте сухихъ и черныхъ кошекъ!

Громадныя брюха возьмете хвастливо,

лоснящихся шекъ надуете пышки;

лишь въ кошкахъ,

гдѣ шерсти вороньей отливывы,

наловите глазъ электрическихъ вспышки.

Весь ловъ этихъ вспышекъ —

(онъ будетъ обилень!) —

вольемъ въ провода,

въ эти мускулы тяги;

заскачутъ трамваи,

пламя свѣтилень

зарѣетъ въ ночахъ, какъ побѣдныя стяги.

Миръ зашевелится въ радостномъ гриммѣ,

цвѣты испавлинятся въ каждомъ окошкѣ,

по рельсамъ поташать людей,

а за ними

все кошки, кошки, черныя кошки!

Мы солнца приколемъ любимымъ на платья,

изъ звѣздъ накуемъ серебрящихся брошекъ.

Бросьте квартиры!

идите и гладьте, —

гладьте сухихъ и черныхъ кошекъ!

Человѣкъ безъ уха:

Это — правда!

Надъ городомъ,

— гдѣ флюгеровъ дrevки —
 женщина
 — черныя пещеры вѣкъ —
 мечется,
 кидаетъ на тротуары плевки;
 а плевки вырастаютъ въ огромныхъ калѣвкѣ.
 Отмшчалась надъ городомъ чья-то вина;
 люди столпились,
 табуномъ бѣжали.
 А тамъ,
 въ обояхъ,
 межъ тѣнями вина,
 сморщенный старикашка плачетъ на роялѣ.

Окружаютъ.

Надъ городомъ ширится легенда мукъ.
 Схватишься за ноту —
 пальцы окровавишь!
 А музыкантъ не можетъ вытащить рукъ
 изъ бѣлыхъ зубовъ разъяренныхъ клавишъ.

Все въ волненіи.

И вотъ
 сегодня
 съ утра
 въ душу
 врѣзалъ матчишь губы;
 я ходилъ, подергиваясь,
 руки растопыря,
 а вездѣ по крышамъ танцовали трубы,
 и каждая колѣнями выкидывала 44!
 Господа!
 Остановитесь!
 Развѣ это можно?!
 Даже переулки засучили рукава для драки.

А тоска моя растеть
 непонятна и тревожна,
 какъ слеза на мордѣ у плачущей собаки.
 Еще тревожнѣе.

Старикъ съ кошками:
 Вотъ видите!
 Вещи надо рубить!
 Не даромъ въ ихъ ласкахъ провидѣлъ врага я!

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:
 А можетъ-быть, вещи надо любить?
 Можетъ-быть, у вещей душа другая?

Человѣкъ безъ уха:
 Многія вещи сшиты наоборотъ;
 сердце не сердится,
 къ злобѣ глухо.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:
 Радостно поддакиваетъ.
 И тамъ, гдѣ у человѣка вырѣзанъ ротъ,
 многимъ вещамъ пришито ухо!

В. Маяковскій:
 Поднялъ руку. Вышелъ въ середину.
 Злобой не мажьте сердцецъ концы!
 Васъ,
 дѣтей моихъ,
 буду учить непреклонно и строго.
 Всѣ вы люди
 лишь бубенцы
 на колпакѣ _____

Я
 ногой, распухшей отъ исканій,
 обошелъ
 и вашу сушу,
 и еще какія-то другія страны
 въ домино и въ маскѣ темноты.
 Я искалъ
 ее,
 невиданную душу,
 чтобы въ губы раны
 положить ея цѣлящіе цвѣты.

Остановился.

И опять,
 какъ рабъ
 въ кровавомъ потѣ,
 тѣло безуміемъ качаю.
 Впрочемъ,
 разъ нашелъ ее —
 душу:
 Вышла
 въ голубомъ капотѣ,
 говоритъ:
 „Садитесь!
 Я давно васъ ждала.
 Не хотите ли стаканчикъ чаю?“

Остановился.

Я — поэтъ,
 я разницу стеръ
 между лицами своихъ и чужихъ.
 Въ гноѣ морговъ искалъ сестеръ.
 Цѣловалъ узорно больныхъ.
 А сегодня
 на желтый костеръ,

спрятавъ глубже слезы морей,
я взведу и стыдъ сестеръ,
и морщины сѣдыхъ матерей!
На тарелкахъ зализанныхъ заль
будемъ жрать тебя, мясо, вѣкъ!

Срываетъ покрывало. Громадная женщина. Боязливо. Вбѣгаетъ обыкновенный молодой человѣкъ. Суетится.

В. Маяковскій:

Въ сторонѣ—тихо.

Милостивые государи!
Говорять,
гдѣ-то
— кажется, въ Бразиліи —
есть одинъ счастливый человѣкъ!

Обыкновенный молодой человѣкъ:

Подбѣгаетъ къ каждому. Цѣпляется.

Милостивые государи!
Стойте!
Милостивые государи!
Господинъ,
господинъ,
скажите скорѣй:
это здѣсь хотятъ сжечь
матерей?
Господа!
Мозгъ людей остеръ,
но предъ тайнами міра никъ;
а вы зажигаєте костеръ
изъ сокровищъ знаній и книгъ!
Я придумалъ машинку для рубки котлетъ.

Я умою́ вовсе не плохъ!
 У меня есть знакомый,
 онъ двадцать пять лѣтъ
 работаетъ
 надъ капканомъ для ловли блохъ.
 У меня жена есть,
 скоро родить сына или дочку,
 а вы — говорите гадости!
 Интеллигентные люди!
 Право, какъ будто, обидно.

Человѣкъ безъ уха:
 Молодой человѣкъ,
 встань на коробочку!
 Изъ толпы.
 Лучше на бочку!

Человѣкъ безъ уха:
 А то васъ совсѣмъ не видно!

Обыкновенный молодой человѣкъ:
 И нечего смѣяться!
 У меня братецъ есть,
 маленькій,
 вы придете и будете жевать его кости.
 Вы все хотите съѣсть!

Тревога. Гудки. За сценой крики:
 „штаны, штаны“.

В. Маяковскій:
 Бросьте!

Обыкновенному молодому человѣку
 со всѣхъ сторонъ:

Если бъ вы такъ, какъ я, голодали —
дали
востока и запада,
вы бы глодали,
какъ гложутъ кость небосвода
заводовъ копченяя рожи!

Обыкновенный молодой человекъ:

Что же, —
значить, ничто любовь?
У меня есть Сонечка сестра!

На колѣняхъ.

Милые!
Не лейте кровь!
Дорогіе,
не надо костра!

Тревога выросла. Выстрѣлы. Начи-
наетъ медленно тянуть одну ноту
водосточная труба. Загудѣло желѣзо
крышь.

Человекъ съ растянутымъ лицомъ:

Если бъ вы такъ, какъ я, любили,
вы бы убили любовь;
или лобное мѣсто нашли
и растлили бъ
шершавое потное небо
и молочно невинныя звѣзды.

Человекъ безъ уха:

Ваши женщины не умѣютъ любить,
онѣ отъ поцѣлуевъ распухли, какъ губки.
Вступаютъ удары тысячи ногъ въ
натянутое брюхо площади.

Человѣкъ съ растянутымъ лицомъ:

А изъ моей души
тоже можно сшить
такія нарядныя юбки!

Волненіе не помѣщается. Всѣ во-
кругъ громадной женщины. Взвали-
ваютъ на плечи. Ташутъ. Вмѣстѣ:

Идемъ,
гдѣ за святость
распяли пророка,
тѣла отдадимъ раздѣтому плясу,
на черномъ гранитѣ грѣха и порока
поставимъ памятникъ красному мясу.

Дотаскиваютъ до двери. Оттуда то-
ропливые шаги. Человѣкъ безъ гла-
за и ноги. Радостный. Безуміе на-
дорвалось. Женщину бросили.

Человѣкъ безъ глаза и ноги:

Стойте!
На улицахъ,
гдѣ лица—
бремя
у всѣхъ одни и тѣ жъ,
сейчасъ родила старуха время
огромный,
криворотый мятежъ!
Смѣхъ!

Передъ мордами вылѣзшихъ годовъ
онѣмѣли земель старожилы,
а злоба
вздвувала на лбахъ городовъ
рѣки—
тысячеверстыя жилы.

Медленно,
въ ужасѣ,
стрѣлки волосъ
подымался на лысомъ темени времянь.
И вдругъ
всѣ вещи
кинулись,
раздирая голось,
скидывать лохмотья изношенныхъ именъ.
Винныя витрины,
какъ по пальцу сатаны,
сами плеснули въ днища фляжекъ.
У обмершаго портного
сбѣжали штаны
и пошли —
одни! —
безъ человѣчьихъ ляжекъ!
Пьяный—
разинувъ черную пасть —
вывалился изъ спальни комодъ.
Корсеты слѣзали, боясь упасть,
изъ вывѣсокъ „Robes et modes“.
Каждая калоша недоступна и строга.
Чулки, какъ кокотки,
игриво шурятся.
Я летѣлъ, какъ ругань.
Другая нога
еще добѣгаетъ въ сосѣдней улицѣ.
Что же,
вы,
кричашіе, что я калѣка?!
старые,
жирные,

обрюзгіе враги!
Сегодня
въ цѣломъ мірѣ не найдете чловѣка,
у котораго
двѣ
одинаковыя
ноги!

З а н а в ѣ с ь .

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Скучно. Площадь въ новомъ городѣ.
 В. Маяковскій переодѣлся въ тогу.
 Лавровый вѣнокъ. За дверью многія
 ноги.

Человѣкъ безъ глаза и ноги:
 Услужливо.

Поэты!

Поэты!

Васъ объявили княземъ.

Покорные

толпятся за дверью,

пальцы сосутъ.

Передъ каждымъ положень на земь
 какой-то смѣшной сосудъ.

В. Маяковскій.

Что же, —

пусть идутъ!

Робко. Женщины съ узлами. Много
 кланяются.

Первая:

Вотъ это слезка моя, —
 возьмите!

Мнѣ не нужна она.

Пусть.

Вотъ она,

бѣлая,

въ шелкъ изъ нитей

глазь посылающихъ грусть!

В. Маяковскій:

Безпокойно.

Не нужна она, —
зачѣмъ мнѣ?

Слѣдующей:

И у васъ глаза распухли?

Вторая:

Безпечно.

Пустяки!
Сынъ умираетъ.
Не тяжело.
Вотъ еще слеза.
Можно на туфлю.
Будетъ красивая пряжка.

В. Маяковскій:

Испуганъ.

Третья:

Вы не смотрите,
что я
грязная;
вымоюсь, —
буду чище.
Вотъ вамъ и моя слеза,
праздная,
большая слезища.

В. Маяковскій:

Будетъ:
Ихъ уже гора.
Да и мнѣ пора.
Кто этотъ очаровательный шатенъ?

Газетчики:

Фигаро!

Фигаро!

Матэнь!

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями. Всѣ
оглядываютъ. Говорятъ въ перебой:

Смотрите —

какой дикій!

Отойдите немного.

Темно.

Пустите!

Молодой человѣкъ,
не икайте!

Человѣкъ безъ головы:

И-и-и

Э-э-э

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:

Тучи отдаются небу

рыхлы и гадки.

День гибъ.

Дѣвушки воздуха тоже до золота падки
и имъ только деньги.

В. Маяковскій:

Что?

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:

Деньги и деньги бы!

Голоса:

Тише!

Тише!

Человѣкъ съ двумя поцѣлуями:
Танецъ съ дырявыми мячами.

Большому и грязному человѣку
подарили два поцѣлуя.
Человѣкъ былъ неловкѣй,
не зналъ,
что съ ними дѣлать,
куда ихъ дѣтъ?
Городъ,
весь въ праздникѣ,
возносилъ въ соборахъ аллилуя;
люди выходили красивое надѣтъ.
А у человѣка было холодно,
и въ подошвахъ дырочекъ овалыцы.
Онъ выбралъ поцѣлуй,
который побольше,
надѣлъ, какъ калошу.
Но морозъ ходилъ злой,
укусилъ его за пальцы.
„Что же“ —
разсердился человѣкъ —
„я эти ненужные поцѣлуи брошу!“
Бросилъ.
И вдругъ
у поцѣлуя выросли ушки,
онъ сталъ вертѣться,
тоненькимъ голосочкомъ крикнулъ:
„Мамочку!“
Испугался человѣкъ.
Обернулъ лохмотьями души своей дрожащее
тѣльцо,
понесъ домой,
чтобы вставить въ голубенькую рамочку.

Долго рылся въ пыли по чемоданамъ
(искалъ рамочку).

Оглянулся —

поцѣлуй лежитъ на диванѣ,

громадный,

жирный,

выросъ,

смѣется,

бѣсится!

„Господи!“ —

заплакалъ человѣкъ —

„никогда не думалъ, что я такъ устану.

„Надо повѣситься!“

И пока висѣлъ онъ,

гадкій,

жаленькій, —

въ будуарахъ женщины,

— фабрики безъ дыма и трубъ —

милліонами выдѣлывали поцѣлуй, —

всякіе,

большіе,

маленькіе, —

мясистыми рычагами шлепающихъ губъ.

Вбѣжавшіе дѣти—поцѣлуй:

Рѣзво.

Нась массу выпустили.

Возьмите!

Сейчасъ остальные придуть.

Пока, — восемь.

Я —

Митя.

Просимъ!

Каждый кладетъ слезу.

В. Маяковский:

Господа!
 Послушайте, —
 я не могу!
 Вамъ хорошо
 а мнѣ съ болью-то какъ?

Угрозы.

Ты поговори еще тамъ.
 Мы изъ тебя сдѣлаемъ рагу,
 какъ изъ кролика.

Старикъ съ одной ошипанной кошкой:

Ты одинъ умѣешь пѣсни пѣть.

На груди слезъ.

Отнеси твоему красивому богу.

В. Маяковский:

Пустите сѣсть!

Не даютъ. В. Маяковский неуклюже
 топчется, собираетъ слезы въ чемо-
 данъ. Сталь съ чемоданомъ.

В. Маяковский:

Хорошо!
 Дайте дорогу!
 Думаль, —
 радостный буду.
 Блестящій глазами
 сяду на тронъ,
 изнѣженный тѣломъ грекъ.
 Нѣгы
 Вѣкъ,
 дорогя дороги,

не забуду
 ваши ноги худыя
 и сѣдые волосы сѣверныхъ рѣкъ!
 Вотъ и сегодня —
 выйду сквозь городъ,
 душу
 на копьяхъ домовъ
 оставляя за клокомъ клокъ.
 Рядомъ луна пойдетъ, —
 туда,
 гдѣ небосводъ распоротъ.
 Поравняется,
 на секунду примѣритъ мой котелокъ.
 Я
 съ ношей моей
 иду,
 спотыкаюсь,
 ползу
 дальше
 на сѣверъ,
 туда,
 гдѣ въ тискахъ безъ конечной тоски
 пальцами волнъ
 вѣчно
 грудь рветъ
 океанъ изувѣръ.
 Я добреду, —
 усталый
 въ послѣднемъ бреду
 брошу вашу слезу
 темному богу грозъ
 у истока звѣриныхъ вѣръ.

Занавѣсъ.

ЭПИЛОГЪ.

В. Маяковскій:

Я это все писалъ
о васъ,
бѣдныхъ крысахъ.
Жалѣль—у меня нѣтъ груди:
я кормилъ бы васъ доброй нененькой.
Теперь я немного высохъ,
я—блаженненькій.
Но зато
кто,
гдѣ бы
мыслямъ даль
такой нечеловѣчій просторъ!
Это я
попалъ пальцемъ въ небо,
доказалъ: —
онъ — воръ!
Иногда мнѣ кажется, —
я пѣтухъ голландскій,
или я
король псковскій.
А иногда
мнѣ больше всего нравится
моя собственная фамилія,
Владиміръ Маяковскій.

ОБЛАКО ВЪ ШТАНАХЪ

ТЕТРАПТИХЪ

ТЕБЪ ЛИЛЯ.

ПРОЛОГЪ.

Вашу мысль,
мечтающую на размягченномъ мозгу,
какъ выжирѣвшій лакей на засаленной кушеткѣ,
буду дразнить объ окровавленный сердца лоскутъ;
досыта изъиздѣваюсь, нахальный и ѣдкій.

У меня въ душѣ ни одного сѣдого волоса,
и старческой нѣжности нѣтъ въ ней!
Миръ огромивъ мощью голоса,
иду—красивый,
двадцатидвухлѣтній.

Нѣжные!
Вы любовь на скрипки ложите.
Любовь на литавры ложить грубой.
А себя, какъ я, вывернуть не можете,
чтобъ были однѣ сплошныя губы!

Приходите учиться —
изъ гостиной батистовая,
чинная чиновница ангельской лиги,
и которая губы спокойно перелистываетъ,
какъ кухарка страницы поваренной книги.

Хотите, —
буду отъ мяса бѣшенный,
— и, какъ небо, мѣняя тона —
хотите,
буду безукоризненно нѣжный,
не мужчина, а—облако въ штанахъ!

Не вѣрю, что есть цвѣточная Ницца!
Мной опять словословятся
мужчины залежанные, какъ больница,
и женщины истрепанныя, какъ пословица.

I.

Вы думаете, это бредить малярія?
Это было,
было въ Одессѣ.
„Приду въ четыре“,—сказала Марія.
Восемь.
Девять.
Десять.
Вотъ и вечеръ
въ ночную жуть
ушелъ отъ оконъ
хмурый,
декабрь.
Въ дряхлую спину хохочутъ и ржутъ
канделябры.
Меня сейчасъ узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонеть,
корчится.
Чего можетъ хотѣться этакой глыбѣ?
А глыбѣ многое хочется!

Вѣдь для себя не важно
и то, что бронзовый,
и то, что сердце—холодной желѣзкою.
Ночью хочется звонъ свой
спрятать въ мягкое,
въ женское.

И вотъ,
 громаднѣй,
 горблюсь въ окнѣ,
 плавлю лбомъ стекло окошечное.
 Будеть любовь или нѣтъ?
 Какая —
 большая или крошечная?

Откуда большая у тѣла такого:
 Должно-быть, маленькій,
 смиренный любеночекъ.
 Она шарахается автомобильныхъ гудковъ.
 Любить звоночки коночекъ.

Еще и еще,
 уткнувшись дождю
 лицомъ въ его лицо рябое,
 жду,
 обрызганный громомъ мірового прибора.

Полночь, съ ножомъ мечась,
 догнала,
 зарѣзала,—
 вонъ его!
 Упалъ двѣнадцатый часъ,
 какъ съ плахи голова казненнаго.

Въ стеклахъ дождевки сѣрыя
 свылись,
 гримасу громадили,
 какъ будто воють химеры
 Собора Парижской Богоматери.

Проклятая!

Что же и этого не хватить?
 Скоро крикомъ издерется ротъ.
 Слышу:
 тихо,
 какъ больной съ кровати,
 спрыгнуть нервъ.

И вотъ,—

сначала прошелся
 едва-едва,
 потомъ забѣгалъ,
 взволнованный,
 четкій.
 Теперь и онъ, и новые два
 мечутся отчаянной чечеткой.

Рухнула штукатурка въ нижнемъ этажѣ.
 Нервы
 большіе,
 маленькіе,
 многіе!
 скачутъ бѣшеные,
 и уже
 у нервовъ подкашиваются ноги!

А ночь по комнатѣ тинится и тинится;
 изъ тины не вытянутся отяжелѣвшему глазу.
 Двери вдругъ заляскали,
 будто у гостиницы
 не попадаетъ зубъ на зубъ.
 Вошла ты
 рѣзкая, какъ „нате“,

муча перчатки замшъ;
сказала:
„Знаете,—
я выхожу замужъ“.

Что жъ, выходите.
Ничего.
Покрѣплюсь.
Видите,—спокоенъ какъ!
Какъ пульсъ
покойника.

Помните?
Вы говорили
„Джекъ Лондонъ
деньги,
любовь,
страсть“.
а я одно видѣлъ:
вы—Джіоконда,
которую надо украсть!

И украли.

Опять влюбленный выйду въ игры,
огнемъ озаря бровей загибъ.
Что же!
И въ домъ, который выгорѣлъ,
иногда живутъ бездомные бродяги!

Дразните?
„Меньше, чѣмъ у нищаго копеекъ,
у васъ изумрудовъ безумій“.

Помните!
 Погибла Помпея,
 когда раздразили Везувій!

Эй!
 Господа!
 Любители
 святотатствъ,
 преступлений,
 боень,—
 а самое страшное
 видѣли,—
 лицо мое,
 когда
 я
 абсолютно спокоень?

И чувствую—
 „я“
 для меня мало.
 Кто-то изъ меня вырывается упрямо.
 Алло!
 Кто говоритъ!
 Мама?

Мама!
 Вашъ сынъ прекрасно боленъ!
 Мама!
 У него пожаръ сердца.
 Скажите сестрамъ, Людѣ и Ольѣ,
 ему уже некуда дѣться.

Каждое слово,
 даже шутка,

которыя изрыгаетъ обгорающимъ ртомъ онъ,
выбрасывается, какъ голая проститутка
изъ горящаго публичнаго дома.

Люди нюхаютъ,—
запахло жареными!
Нагнали какихъ-то.
Блестяшіе!
Въ каскахъ!
Нельзя сапожища!
Скажите пожарнымъ:—
на сердце горящее лѣзутъ въ ласкахъ.

Я самъ.
Глаза наслезенные бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Вискочу! Вискочу! Вискочу!
Рухнули.
Не выскочишь изъ сердца!

На лицѣ обгорающемъ
изъ трещины губъ
обугленный поцѣлуишко броситься вырость.
Мама!
Пѣть не могу.
У церковки сердца занимается клиросъ!

Обгорѣлыя фигурки словъ и чиселъ
изъ черепа,
какъ дѣти изъ горящаго зданія.
Такъ страхъ
схватиться за небо
высилъ
горящія руки Лузитаніи.

Трясущимся людамъ
въ квартирное тихо
стоглазое зарево рвется съ пристани.
Крикъ послѣдній,
ты хоть!
о томъ, что горю, въ столѣтія выстони!

II.

Славьте меня!
 Я великимъ не чета.
 Я надъ всѣмъ, что сдѣлано,
 ставлю „nihil“.
 Никогда
 ничего не хочу читать.
 Книги?
 Что книги!

Я раньше думалъ,—
 книги дѣлаются такъ:
 пришелъ поэтъ,
 легко разжалъ уста,
 и сразу запѣлъ вдохновенный протакъ,—
 пожалуйста!

А, оказывается:—
 прежде чѣмъ начнетъ пѣться,
 долго ходятъ, размозолѣвъ отъ броженія,
 и тихо барахтаются въ тинѣ сердца
 глупая вобла воображенія.

Пока выкипячиваютъ, приемами пиликаая,
 изъ любвей и соловьевъ какое-то варево,
 улица корчится безъязыкая,—
 ей нечѣмъ кричать и разговаривать.

Городовъ вавилонскія башни,
 возгордясь, возносимъ снова;
 а Богъ
 города на пашни
 рушить,
 мѣшая слово.

Улица муку молча перла.
 Крикъ торчкомъ стоялъ изъ глотки.
 Топорщились, застрявшіе поперекъ горла,
 пухлые taxi и костлявыя пролетки.

Грудь изпѣшеходили.
 Чахотки плоше.
 Городъ дорогу мракомъ заперъ.
 И когда—
 все-таки!—
 выхаркнула давку на площадь,
 спихнувъ наступившую на горло паперть,

думалось:

въ хорахъ архангелова хорала
 Богъ, ограбленный, идетъ караты!
 А улица присѣла и заорала:
 „Идемте жрать!“

Гриммируютъ городу Круппы и Круппики
 грозящихъ бровей морщъ,
 а во рту
 умершихъ словъ разлагаются трупики,
 только два живутъ, жирѣя,
 „сволочь“

и еще какое-то,
кажется— „борщъ“.

Поэты,
размокшіе въ плачѣ и всхлипѣ,
бросились отъ улицы, ероша космы:
„Какъ двумя такими выпѣть
и барышню,
и любовь,
и цвѣточекъ подъ росами?“

А за поэтами—
уличныя тыщи:
студенты,
проститутки,
подрядчики.

Господа!
Остановитесь!
Вы не нищіе,
вы не смѣете просить подачки!

Намъ, здоровеннымъ,
съ шагомъ саженьимъ,
надо не слушать, а рвать ихъ,
ихъ
присосавшихся бесплатнымъ приложеніемъ
къ каждой двуспальной кровати!

Ихъ ли смиренно просить:
„Помоги мнѣ!“
Молить о гимнѣ,
объ ораторіи!

Мы сами творцы въ горящемъ гимнѣ—
шумѣ фабрики и лабораторіи.

Что мнѣ до Фауста,
фееріей ракетъ
скользящаго съ Мефистофелемъ въ небесномъ паркетѣ!
Я знаю—
гвоздь у меня въ сапогѣ
кошмарнѣй, чѣмъ фантазія Гете!

Я,
златоустѣйшій,
чье каждое слово
душу новородитъ,
имениннить тѣло,
говорю вамъ:
мельчайшая пылинка живого
цѣннѣе всего, что я сдѣлаю и сдѣлалъ!

Слушайте!
Проповѣдуетъ,
мечась и стень,
сегодняшняго дня крикогубый Заратустра!

Мы
съ лицомъ, какъ заспанная простыня,
съ губами обвисшими, какъ люстра,
мы,
каторжане города лепрозорія,
гдѣ золото и грязь изъязвили проказу,—
мы чище венеціанскаго лазорья,
морями и солнцами омытаго сразу!

Плевать, что нѣтъ
 у Гомеровъ и Овидіевъ
 людей, какъ мы,
 отъ копоты въ оспѣ.
 Я знаю—
 солнце померкло бы, увидѣвъ
 нашихъ душъ золотыя розсыпи!

Жилы и мускулы—просьбу вѣрнѣй.
 Намъ ли вымаливать милостей времени!
 Мы—
 каждый
 держимъ въ своей пятернѣ
 міровъ приводные ремни!

Это взвело на Голговы аудиторій
 Петрограда, Москвы, Одессы, Кіева,
 и не было ни одного,
 который
 не кричалъ бы:
 „Распни,
 распни его!“

Но мнѣ—
 люди,
 и тѣ, что обидѣли—
 вы мнѣ всего дороже и ближе.
 Видѣли,
 какъ собака бьющую руку лижетъ?!

Я,
 обсмѣянный у сегодняшняго племени,
 какъ длинный,

скабрзный анекдотъ,
вижу идущаго черезъ горы времени,
котораго не видитъ никто.

Гдѣ глазъ людей обрывается куцый
главой голодныхъ ордь,
въ терновомъ вѣнцѣ революцій
грядеть который-то годъ.

А я у васъ—его предтеча;
я—гдѣ боль, вездѣ;
на каждой каплѣ слезовой течи
распялъ себя на крестѣ.

Уже ничего простить нельзя.
Я выжегъ души, гдѣ нѣжность растили.
Это труднѣе, чѣмъ взять
тысячу тысячъ Бастилій!

И, когда,
приходъ его
мятежомъ оглашая,
выйдете къ спасителю—
вамъ я
душу вытащу,
растопчу,
чтобъ большая?!
и окровавленную дамъ, какъ знамя.

III.

Ахъ зачѣмъ это,
откуда это
въ свѣтлое весело
грязныхъ кулачищъ замахъ!
Пришла,
голову отчаяніемъ занавѣсила
мысль о сумасшедшихъ домахъ.

И,—
какъ въ гибель дредноута
отъ душащихъ спазмъ
бросаются въ разинутый люкъ—
сквозь свой,
до крика разодранный, глазъ
лѣзь, обезумѣвъ, Бурлюкъ.

Почти окровавивъ изслезенныя вѣки
вылѣзь,
всталъ,
пошелъ,
и съ нѣжностью, неожиданной въ жирномъ человѣкѣ,
взялъ и сказалъ:
„Хорошо!“

Хорошо, когда въ желтую кофту
душа отъ осмотровъ укутана!

Хорошо,
 когда брошенный въ зубы эшафоту,
 крикнуть—
 „Пейте какао Ван-Гутена!“

И эту секунду
 бенгальскую
 громкую
 я ни на что бѣ не вымѣнялъ,
 я ни на _____

Изъ сигарнаго дыма,
 ликерною рюмкой,
 вытягивалось пропитое лицо Сѣверянина.

Какъ вы смѣете называться поэтомъ
 и, сѣренькій, чирикать, какъ перепелъ!
 Сегодня
 надо
 кастетомъ
 кроиться міру въ черепъ!

Вы,—
 обезпокоенные мыслью одной—
 „изяшно пляшѣ ли“
 смотрите, какъ развлекаюсь
 я—
 площадной
 сутенеръ и карточный шулеръ!

Отъ васъ,
 которые влюбленностью мокли,
 отъ которыхъ

въ столѣтъя слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклемъ
вставлю въ широко растопыренный глазъ.

Невѣроятно себя нарядивъ,
пойду по землѣ,
чтобъ нравился и жегся,
а впереди,
на цѣпочкѣ, Наполеона поведу, какъ мопса.

Вся земля поляжетъ женщиной,
заерзаетъ мясами, хотя отдаться;
вещи оживутъ—
губы вешины
засюсюкаютъ:
„цаца, цаца, цаца!“

Вдругъ
и тучи,
и облачное прочее
подняло на небѣ невѣроятную качку,
какъ будто расходятся бѣлые рабочіе,
небу объявивъ озлобленную стачку.

Громъ изъ-за тучи, звѣрѣя, вылѣзъ,
громадныя ноздри задорно высморкалъ,
небѣе лицо секунду кривилось
суровой гримасой желѣзнаго Бисмарка.

Кто-то,
запутавшись въ облачныхъ путахъ,
вытянулъ руки кафе,

будто по-женски,
нѣжный, какъ будто
и будто бы пушки лафеть.

Вы думаете—
это солнце нѣжненько
треплеть по щекѣ кафе?
Это опять, разстрѣлять мятежниковъ,
грядеть генераль Галифе!

Выньте, гуляшіе, руки изъ брюкъ—
берите камень, ножъ или бомбу,
а если у котораго нѣту рукъ—
пришелъ чтобъ и бился лбомъ бы!

Идите, голодненькіе,
потненькіе,
покорненькіе,
закисшіе въ блохастомъ грязненькѣ!
Идите!
Понедѣльники и вторники
окрасимъ кровью въ праздники!

Пускай землѣ подъ ножами припомнится,
кого хотѣла ополтить!
Землѣ,
обжирѣвшей, какъ любовница
которую вылюбилъ Ротшильдъ!

Чтобъ флаги трепались въ горячкѣ пальбы,
какъ у cadaго порядочнаго праздника—
выше вздымайте фонарные столбы

Изругивался,
 вымаливался,
 рѣзаль,
 лѣзь за кѣмъ-то
 вгрызаться въ бока.
 На небѣ, красный, какъ марсельеза,
 вздрагиваль, околѣвая, закатъ.

Уже сумасшествіе.
 Ничего не будетъ.
 Ночь придетъ,
 перекусить
 и съѣсть.
 Видите—
 небо опять іудить
 пригоршню обрызганныхъ предательствомъ звѣздъ?

Пришла.
 Пируетъ Мамаемъ,
 задомъ на городъ настѣвъ.
 Эту ночь глазами не проломаемъ
 черную, какъ Азефъ!

Ежусь, зашвырнувшись въ трактирные углы,
 виномъ обливаю душу и скатерть
 и вижу:
 въ углу глаза круглы,
 глазами въ сердца въѣлась _____

Чего одаривать по шаблону намалеванному
 сіяніемъ трактирную ораву!
 видишь _____

предпочитаютъ Варавву?

Можеть-быть, нарочно я
 въ челоуѣчьемъ мѣсивѣ
 лицомъ никого ни новѣй.

Я,
 можетъ-быть,
 самый красивый
 изъ всѣхъ твоихъ сыновей.

Дай имъ,
 заплѣснѣвшимъ въ радости,
 скорой смерти времени,
 чтобъ стали дѣти, должныя подрасти,
 мальчики—отцы,
 дѣвочки—забеременѣли.

Новымъ рожденнымъ дай обрасти
 пытливой сѣдиной волхвовъ.
 Придутъ они,—
 будутъ дѣтей крестить
 именами моихъ стиховъ.

Я, воспѣвающій машину и Англию,
 можетъ-быть, просто,
 въ самомъ обыкновенномъ евангеліи,
 тринадцатый апостоль.

И когда мой голосъ
 похабно ухаеъ—
 отъ часа къ часу,
 цѣлыя сутки,
 можетъ быть, _____ нюхаеъ
 моей души незабудки.

IV.

Марія! Марія! Марія!
 Пусти Марія!
 Я не могу на улицахъ!
 Не хочешь?
 Ждешь,
 какъ щеки провалятся ямкою,
 попробованный всѣми,
 прѣсный,
 я приду
 и беззубо прошамкаю,
 что сегодня я
 „удивительно честный“.

Марія,
 видишь—
 я уже началъ сутулиться.

Въ улицахъ
 люди жиръ продырявлять въ четырёхэтажныхъ зобахъ,
 высунуть глазки,
 потертые въ сорокгодовой таскѣ,—
 перехихикиваться,
 что у меня въ зубахъ
 опять!
 черствая булка вчерашней ласки.

Дождь обрыдалъ тротуары,
 лужами сжатый жуликъ,
 мокрый, лижетъ улицъ забитый булыжникомъ трупъ;

а на сѣдыхъ рѣсницахъ—
 да!
 на рѣсницахъ морозныхъ сосулекъ
 слезы изъ глазъ—
 да!
 изъ опущенныхъ глазъ водосточныхъ трубъ.

Всѣхъ пѣшеходовъ морда дождя обсосала,
 а въ экипажахъ лошился за жирнымъ атлетомъ атлетъ;
 лопались люди,
 проѣвшиись насквозь,—
 сочилось сквозь трещины сало,
 мутной рѣкой съ экипажей стекала,
 вмѣстѣ съ изсосанной булкой,
 жевѣтина старыхъ котлетъ.

Марія!
 Какъ въ зажирѣвшее ухо втиснуть имъ тихое слово?
 Птица
 подбирается пѣсней,
 поеть,
 голодна и звонка;
 А я человѣкъ, Марія,
 простой,
 выхарканный чахоточной ночью въ грязную руку Прѣсни.
 Марія, хочешь такого?
 Пусты, Марія!
 Судорогой пальцевъ зажму я желѣзное горло звонка!

Марія!
 Звѣрѣютъ улицъ выгоны,
 на шеѣ ссадиной пальцы давки.
 Открой!

Больно!

Видишь—натыканы
въ глаза изъ дамскихъ шляпъ булавки!

Пустила.

Дѣтка!

Не бойся,
что у меня на шеѣ воловѣй
потноживотыя женщины мокрой горою сидятъ:
это сквозь жизнь я ташу
милліоны огромныхъ чистыхъ любовей
и милліонъ милліоновъ маленькихъ грязныхъ любить.

Не бойся,

что снова,
въ измѣны ненастье,
прильну я къ тысячамъ хорошенькихъ лицъ—
„любящія Маяковского“!
да вѣдь это жъ династія
на сердце сумасшедшаго зашедшихъ царицъ.

Марія, ближе!

Въ раздѣтомъ безстыдствѣ,
въ боящейся дрожи ли,
но дай твоихъ губъ неисвѣтшую прелесть;
я съ сердцемъ ни разу до мая не дожили,
а въ прожитой жизни
лишь сотый апрѣль есть.

Марія!

поэтъ сонеты поетъ Тианѣ,

а я, —
 весь изъ мяса,
 человекъ весь —
 тѣло твое просто прошу,

Марія—дай!

Марія!
 Имя твое я боюсь забыть,
 какъ поэтъ боится забыть
 какое-то,
 въ мукахъ ночей
 рожденное слово,
 величіемъ равное ———
 Тѣло твое
 я буду беречь и любить,
 какъ солдатъ,
 обрубленный войною,
 ненужный,
 ничей,
 бережетъ свою единственную ногу.

Марія—
 не хочешь?
 Не хочешь!
 Ха!

Значить—опять
 темно и понурс
 сердце возьму,

слезами окапавъ,
нести,
какъ собака,
которая въ конуру
несетъ
переѣханную поѣздомъ лапу.

Кровью сердца дорогу радую,
липнетъ цвѣтами пыли кителя.
Тысячу разъ опляшетъ Иродіадою
солнце землю—

И когда
мое количество лѣтъ
выпляшетъ до конца—
милліономъ кровинокъ устелется слѣдъ
дому моего отца.

Вылѣзу
грязный (отъ ночевокъ въ канавахъ),
стану бокъ о бокъ,
наклонюсь
и скажу вамъ на ухо:
Послушайте—!

Какъ вамъ не скушно
въ облачный кисель
ежедневно обмакивать раздобрѣвшіе глаза?
Давайте,—знаете—
устроимте карусель
на деревѣ изученія добра и зла!

— ты будешь въ каждомъ шкапу
и вина такія разставимъ по столу,
чтобъ захотѣлось пройтись въ ки-ка-пу
хмурому _____

прикажи,—
сегодня ночью жъ
со всѣхъ бульваровъ красивѣйшихъ дѣвочекъ
я натащу къ тебѣ.
Хочешь?

Не хочешь?
Мотаешь головою, кудластый?
Супишь сѣдую бровь?
Ты думаешь
этотъ,
за тобою _____
знаетъ, что такое любовь?
— я былъ имъ—
сахарнымъ барашкомъ выглядывалъ въ глазъ,
но больше не хочу дарить кобыламъ
изъ севрской муки изваянныхъ вазъ.

— ты выдумалъ пару рукъ,
сдѣлалъ,
чтобъ у каждаго была голова.—
отчего ты не выдумалъ,
чтобъ было безъ мукъ
цѣловать, цѣловать, цѣловать?!

видишь, я нагибаюсь,

изъ-за голенища
достаю сапожный ножикъ.

отсюда до Аляски.

Пустите!
Меня не остановите.
Вру я,
въ правъ ли,
но я не могу быть спокойнѣй.

Смотрите—
звѣзды опять обезглавили
и небо окровавили бойней!
Эй вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спитъ,
положивъ на лапу
съ клещами звѣздъ громадное ухо.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. Ко всей книгѣ	3
II. Я	9
По мостовой	11
Нѣсколько словъ о моей женѣ	12
Нѣсколько словъ о моей мамѣ	13
Нѣсколько словъ обо мнѣ самомъ	14
III. Кричу кирпичу	15
Послушайте	17
Адище города	18
Отъ усталости	19
А все-таки	20
Любовь	21
Гимнъ здоровью	22
Вывѣскамъ	23
За женщиной	24
Кое-что про Петроградъ	25
Еще Петроградъ	26
Театры	27
Портъ	28
Утро	29
Ночь	31
Изъ улицы въ улицу	32
Вотъ такъ я сдѣлался собакой	34
Ничего не понимаютъ	36
Кое-что по поводу дирижера	37
Нате!	38
Чудовищныя похороны	39
А вы могли бы?	41
Судья	42

	стр.
Мы	44
Шумики, шумы и шумиши	45
Кофта фата	46
Скрипка и немножко нервно	47
IV. Великолѣпныя нелѣпости	49
Война объявлена	51
Мама и убитый нѣмцами вечеръ	52
Я и Наполеонъ	54
Великолѣпныя нелѣпости	58
V. Владиміръ Маяковскій	61
VI. Облако въ штанахъ	85

В АВАНГАРДЕ ПОЭЗИИ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РЕПРИНТНОМУ ИЗДАНИЮ

Каждый сборник поэта — его новое лицо. Таким предстает сейчас, 74 года спустя после издания, и этот сборник. Даже тот, кто знает раннего Маяковского наизусть, по-новому прочтет его, откроет для себя ту тайну, которая диктовала и отбор стихов, и их расположение в книге, и то настроение, за которым идет к любимому поэту читатель.

Не странно ли? Книги, рассказывающие о жизни Маяковского до революции, выпускались. Книги с разбором его творчества в этот период выходили. А вот отдельных книг с написанными в то же время стихами не было. Серия «Книжные редкости», восполняя этот пробел, дарит нам встречу с изданием, которое Маяковский включал в число своих важнейших поэтических книг.

Как и после Октября, он не был поэтом недосказанным. Его поэтические формулы по точности, по полноте выражения мысли и чувства были сродни научным. Может быть, кредо лирического героя этого сборника мы найдем в конце вступления «Ко всей книге»?

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь
боль и ушиб;
вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души!

Сегодня не будет ошибкой сказать, что ранняя поэзия Маяковского и сама по себе, независимо от того, до каких вершин поднялся великий поэт позже, была явлением в русской литературе второго десятилетия XX века поразительно ярким, исключительным в своей непохожести на другие художественные миры.

Это знали тогда немало истинных ценителей поэзии. А лучше других, наверное, знал Горький, потрясенный, если суммировать свидетельства современников, лирикой Маяковского. Он не только открыл для поэта все шлюзы руководимого им издательства «Парус», но и участвовал в отборе стихов (многое было снято из первого варианта, многое добавлено), в поисках названия книги. (Вместо предложенных сначала «Тринадцатого апостола», потом — «Пяти распятий») остановились на «Простом как

мычание» — словах из трагедии «Владимир Маяковский».) Дарственная надпись на преподнесенном Горькому экземпляре была предельно проста: «Дорогому Алексею Максимовичу Маяковский».

Путь к этой книге нелегок был у обоих.

У Маяковского — потому, что раздутая репортерами скандальная слава футуриста, ниспровергавшего во время диспутов вместе с классиками и популярных еще символистов, опережала его признание среди серьезной читающей публики. («У меня не покупали ни одной строчки», — вспоминал поэт.)

У Горького — потому, что его, живого классика, самого авторитетного в ту пору писателя, со всех сторон упрекали, не стесняясь порою в выражениях, в терпимом отношении к футуристам, чуть ли не в покровительстве.

Каждая эпоха ставит свои акценты в осмыслении прошлого. Наше время, похоже, старается подойти к наследию (оговорки здесь нет) русского футуризма по возможности бережно и объективно. Взять хотя бы издательство «Книга», выпустившее этот сборник Маяковского. Оно готовит также сборники И.Северянина (эгофутуризм), В.Каменского и В.Хлебникова (кубофутуризм). Оно издало труд знатока авангарда Е.Ковтуна «Русская футуристическая книга». Многие из художников-оформителей той поры не только иллюстрировали книги поэтов, но и сами писали стихи (П.Филонов, О.Розанова, В.Кандинский, К.Малевич, В.Чекрыгин, М.Ларионов, Е.Гуро). Широко известен и тот факт, что из поэтов-футуристов, кроме Маяковского, рисовали Д.Бурлюк, В.Хлебников, А.Кручных, В.Каменский, И.Зданевич, К.Большаков, С.Бобров.

Такое двуединство было у футуристов завидным аргументом в их заявке на обновление форм искусства. И здесь хочется привести фрагмент из книги Е.Ковтуна, любопытный тем, что анализ стихов Маяковского сделан искусствоведом: «В 1913 году Н.С.Гончарова написала своего футуристического „Велосипедиста“. Весь холст пронизан динамикой, движением; мелькают вывески, мимо которых проносится велосипедист: „шляпы“, „шелк“, „пиво“. Впечатления от вывесок, как у раннего Маяковского, вплетены в ткань художественного образа. Близкое по сюжету к „Велосипедисту“ стихотворение поэта „В авто“, написанное, кстати, в том же 1913 году, воспринимается как иллюстрация к картине:

Город вывернулся вдруг.
Пьяный на шляпы полез.
Вывески разинули испуг,
Выплывывали
то "О",
то "S".

Такую же близость к пластическим решениям художников-футуристов обнаруживают многие строки раннего Маяковского:

...а сквозь меня на лунном сельде
скакала крашенная буква.

(„Уличное“, 1913)

В этих примерах — весь арсенал художественных средств и приемов, которыми пользовался живописный футуризм: динамизм построения, пластический сдвиг, взаимопроницаемость предметов. Все это органично вошло в живописную практику Маяковского. Такие разные явления, как старая вывеска, современная живопись и новые ритмы поэзии, оказались прочно завязаны в единый узел.

Примеры эти действительно характерны для становления техники начинавшего свой путь поэта. Но дело-то в том, что читатель их в сборнике «Простое как мычание» не найдет. Судя по выбранным для книги стихам, формальный эксперимент, «футуризм голой техники», «первобытный футуризм» поэт уже не удовлетворяли. Прошло время пробовать свою силу, пришло время ее демонстрировать — ради той высокой цели, которую Маяковский определил как желание открыть “наши новые души” (“Владимир Маяковский”).

В последнем из десяти созданных совместно с товарищами по футуристическим баталиям сборников (начиная с первого — «Пощечины обществу вкусу», 1912 года, его стихи были их неизменным художественным компонентом) Маяковский заявил о смерти футуризма «как идеи избранных».

Правда, заявление это, как и название статьи, где оно содержалось — «Капля дегтя», не было столь уж категоричным. «Да! — утверждал поэт. — Футуризм умер как особенная группа, но во всех вас он разлит наводнением». Еще более четко эта мысль была выражена на обложке сборника: «Футуризм мертвой хваткой взял Россию». Слово «взял» было выделено и дало название сборнику. Эту позицию поэта можно трактовать и так, что он, Маяковский, расставаясь с футуризмом, взял от него все лучшее.

А взять было что. И прежде всего из собственного опыта литературного взросления. Неизбежное для каждого начинающего подражательство сопровождалось своего рода антиподражательством. Приметы их бorerия, особенно в первых стихах сборника, различимы. Заметно влияние, оказанное на поэта другими кубофутуристами. Еще заметней обратное влияние, и уже не только на эту группу. Как отмечал поэт С.Буданцев, «большинство футуристической молодежи, да и не только молодежи, но и людей, печатавшихся и раньше, имеющих имя, подражает, тянется по мере сил за Маяковским, как когда-то тянулось огромное множество за Бальмонтом, еще раньше — за Надсоном».

На протяжении десятилетий исследователи не баловали футуристов достаточно трезвыми оценками, суровы к ним были не меньше, чем в свое время критики из буржуазного лагеря. С одной стороны, подчеркивалась их родственность другим декадентским течениям, в частности связь лозунга «слово как таковое» с лозунгом эстетов «искусство для искусства», с другой — говорилось об антиэстетизме их программы. С одной стороны, сотрудничество Маяковского с футуристами считалось ошибкой, а отношение Горького к ним даже принципиальной ошибкой, с другой — ставился вопрос, а был ли вообще футуризм. Многократно повторялись слова Горького о том, что «русского футуризма нет», а есть лишь отдельные поэты, и среди них — большой поэт Маяковский.

Когда, в каких условиях, с какой целью это говорилось? Настороженное и даже неприязненное поначалу отношение Горького к громким декларациям футуристов, к нарочитой зауми некоторых из них объяснимо было для писателя крепкой реалистической традиции. Как понятно было заявление перешагнувшего футуризм и хорошо знавшего его изнутри Маяковского: «Футуризма как единого точно формулированного течения в России до Октябрьской революции не существовало».

Нельзя, однако, не вспомнить и другое утверждение Маяковского, высказанное в 1923 году: «Мы держимся за название футуризм потому, что это слово является для многих флагом, к которому они могут собраться». Чтобы сопоставить эти заявления, понять их мотивы, нужно, разумеется, учитывать и конкретные условия, в которых они были сделаны.

Широко проводимое сейчас изучение художественной практики футуристов позволяет взглянуть на это сложное, неоднородное и неоднозначное явление без предубеждения, без боязни впасть в крайности. Оно дает возможность установить, где Маяковский с его ранним опытом участия в революционной борьбе был сам по себе, где он был вместе с другими футуристами, где вел их за собой (но уж никак не «примыкал» к ним, в чем его еще недавно упрекали). Среди особенностей футуризма хотелось бы выделить ту, что подметил Горький.

«Возврат к скандалам», «Водевиль с переодеванием» — так оценили в реакционной прессе выступление писателя в артистическом кафе «Бродячая собака», где стихи читали авторы футуристического сборника «Стрелец» (1915), в том числе Маяковский и Каменский. Гнев вызвала фраза Горького — «В них что-то есть». За выяснением его точки зрения к нему обратился «Журнал журналов». Выразив надежду, что эти «несомненно талантливые люди» «в будущем, отбросив плевелы, вырастут в определенную величину», отметив, что «они не выкидыши, они вовремя рожденные ребята», что «у них нет застоя, они хотят нового, свежего слова, и это достоинство несомненное», писатель сказал: «Достоинство еще

в другом: искусство должно быть вынесено на улицу, в народ, в толпу, и это они делают, правда, очень уродливо, но это простить можно. Они молоды...»

Горький уловил тут одно из главных побуждений, приведших Маяковского в футуризм. И оказался провидцем, если говорить о послеоктябрьской работе поэта — агитатора, горлана, главаря. Безошибочно оценил он и дарование Маяковского, уверенный, что тот «будет писать хорошие, настоящие стихи».

Известное понятие — учеба у Горького — означает, что учиться у него стоит и терпимости. С иронией, надо полагать, отнесся писатель к тому, что в «Пощечине общественному вкусу» ему отводилось место «на даче на реке». Момент литературной игры почувствовал, видимо, в призыве бросить классиков с Парохода современности, ответив на него в публикации «Журнала журналов» добрым советом — взяться за разум, начать работать, учиться. Кстати, вместе с Горьким в манифесте были упомянуты Блок и Куприн. Блок был на премьере трагедии «Владимир Маяковский» в «Луна-парке» в Петербурге, Маяковский же подарил ему экземпляр «Облака в штанах» — «расписку всегдашней любви к его слову». Взаимная симпатия связывала Маяковского с Куприным. Когда вникаешь во все эти подробности, легче включаешься в интонацию ранних стихов Маяковского.

С Горьким поэт сближался стремительно. Жена писателя М.Андреева вспоминала: «Маяковский писал в это время свои большие поэмы, приносил их к Алексею Максимовичу, почти каждую главу отдельно...» Горький восхищался поэмой «Флейта—позвоночник», говорил, что «в этой теме, в самом названии обобщена вся лирика прошлого».

Два программных произведения — трагедия «Владимир Маяковский» и поэма «Облако в штанах» — завершают сборник «Простое как мычание». И ко всему этому сборнику можно отнести отзыв Горького о Маяковском как о «талантливейшем, крупном поэте», как о поэте, который (так записал в своем дневнике в 1916 году Вс.Рождественский) искал «слияния с народными массами», «поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности», нес в себе «ярко выраженное русское национальное начало».

Горький до выхода сборника дважды пытался помочь Маяковскому издаться. Сначала — в «Новом сатириконе», где книга «Для первого знакомства» была уже набрана, но приостановлена. «Цензура, — вспоминал автор предисловия К.Чуковский, — отнеслась к ней свирепо». Помешала цензура и публикации в руководимом Горьким журнале «Летопись» третьей части поэмы «Война и мир».

«Простое как мычание» — второй поэтический сборник Маяковского. Первый — «Я» — вышел в 1913 году и включал четыре стихотворения,

которые повторяются в той же последовательности во втором сборнике, составляя отдельный раздел. Книга была написана от руки, снабжена иллюстрациями Л.Жегина и В.Чекрыгина и размножена литографским способом в трехстах экземплярах.

Поскольку речь зашла об оформлении, надо упомянуть и изданную два года спустя О.Бриком тиражом 1050 экземпляров поэму «Облако в штанах». «Облако» вышло перистое, — вспоминал Маяковский. — Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек». Поэма вышла без знаменитых ныне строк — «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год». В сборнике «Простое как мычание» вместо «шестнадцатый» стоит — «который-то»

Тоненькая книжка в желтой обложке удовлетворяла эстетическим замыслам автора: ее отпечатали «по-футуристически» — одним крупным шрифтом, без знаков препинания. Как сообщает Е.Диннерштейн в вышедшем в 1987 году исследовании «Маяковский и книга», печатая «Простое как мычание», поэт также «пытался осуществить при наборе свои принципы издания, однако из этого ничего не вышло. В попытке поэта обойтись без знаков препинания и наборе строчек в разбивку не было и следа футуристического нигилизма. Ход чтения вытекал из порядка следования строк. В данном случае решающую роль сыграли обстоятельства: сборник печатался в типографии „Товарищества А.Ф.Маркс“, известной своими консервативными традициями».

Чтобы до конца представить трудности, связанные с выпуском книги, добавим, что среди тех, кто отговаривал Горького от этой затеи, были и сотрудники «Летописи». Изданию не сопутствовал коммерческий успех. Двухтысячный тираж сборника, вышедшего во второй половине октября 1916 года, не был полностью распродан и через год. Критика встретила книгу упреками в адрес и Маяковского, и Горького.

О ее тоне можно судить по рецензии, опубликованной в газете «День» под заголовком «Мычание»: «В его стиходельческой работе — глубокая тривиальность, сожительствующая с безграмотностью и провинциальной наглостью»; «Изделия стихотворные Маяковского не имеют ничего общего с поэзией, искусством, художеством»; «Необычное в его стихах стало уже надоедливо пошлым»; «Совсем было поставили крест на творчестве Маяковского, но вдруг его стихи издает издательство, девиз которого: „Сейте разумное, доброе, вечное“... Большой грех на издателе Маяковского».

Во всем, даже в принадлежности к футуризму, отказал Маяковскому «Журнал журналов»: он «не поэт в нашем смысле слова, не драматург, хотя и написал трагедию, не эпатер буржуазии, несмотря на необычное нежелание ей угождать и нравиться, не версификатор, не анархист в том смысле слова, который ему мог бы улыбнуться, и, наконец, не футурист,

потому что у него НЕТ НИЧЕГО от футуризма — ни заумного языка, ни нового лексикона, ни даже непонятности. Он умело талантлив и умеренно ясен...»

Добрые слова нашла горьковская «Летопись», представившая сборник как книгу «наиболее замечательную»: «...теперь ясна стала и значительность Маяковского как поэта, и его место в современной поэзии. Поэт города — со стороны содержания, поэт гиперболы — со стороны приема, Маяковский — „трагик поневоле“, мятущийся пленник города... Его поэзия — продукт городской динамики, глубоко индивидуалистическая по существу, являет, однако, изредка некоторый уклон в сторону поэзии социальной. В его бунте есть что-то от бунта миллионов индивидуальностей, мечущихся по городу»

Но как далека была даже эта рецензия Д.Выгодского от понимания высокого гуманизма раннего Маяковского. Лишь в 1965 году был опубликован отзыв Б.Пастернака, который предназначался для не вышедшего в свет третьего сборника «Центрифуги»: «Какая радость, что существует и не выдуман Маяковский, талант, по праву переставший считаться с тем, как пишут у нас нынче, и означает ли это все или многим меньше: но с тем большей страстью приревновавший поэзию к ее будущему, творчество к судьбе творения. Оно ему не изменит. Поэзию привяжут к поэту две вещи — ярость творческой его совести. Чутье не нашедшей еще ответственности перед вечностью — его судилищем... Он стал поэтом настолько же недавно, насколько давно уже был художником»

Какую веру надо было иметь Маяковскому, на какую поддержку Горького опираться, чтобы уверенно продолжать свой путь в авангарде поэзии. И вскоре после Октябрьской революции, в декабре 1917 года, горьковское издательство «Парус» выпустило трехтысячным тиражом крупнейшее из его предреволюционных произведений — поэму «Война и мир».

Е.Майоров

**Владимир Владимирович Маяковский
Простое как мычание**

**Репринтное воспроизведение
издания 1916 года**

**Ответственный за выпуск
*В.И.Синюков***

**Технический редактор
*Л.П.Емельянова***

ИБ № 1894

**Подписано в печать 05.02.90. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,38. Уч.-изд. л. 3,78.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 4876. Зак. № 834. Цена 2 р.**

**Издательство «Книга»
125047, Москва, ул. Горького, 50.**

**Ярославский полиграфкомбинат
Государственного комитета СССР по печати
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.**

М $\frac{4702010202-027}{002(01)-90}$ 48-90

ISBN 5-212-00256-7

“КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ”
Библиотека репринтных изданий

Издательство “Книга”
Москва 1990

2 p.